Дополненная реальность вместо идеологии

Евгений Прейгерман

Резюме

В последние годы в экспертной среде получил популярность тезис о новой Холодной войне (или Холодной войне 2.0). Он стал результатом попыток осмыслить природу и суть резко возросшей конфронтационности в международных отношениях. Главным образом, после событий 2014 года в Крыму и на Донбассе, засвидетельствовавших глубокий кризис европейской системы безопасности.

Опубликовано в Global Brief

Некоторые исследователи использовали этот тезис задолго до украинских событий. Например, Стивен Коэн обращался к нему еще в 1990-х годах, рассуждая о перспективах отношений Москвы и Вашингтона. А Эдвард Лукас провозгласил новую Холодную войну накануне пятидневной реальной войны на Южном Кавказе в 2008 году. Сейчас же о новой Холодной войне все чаще говорят уже в контексте нарастающей стратегической конкуренции между США и Китаем, которая становится системообразующим элементом в международных отношениях.

> Сам термин «новая Холодная война» не представляется аналитически полезным и релевантным для понимания того, что сегодня происходит как в системе международных отношений в целом, так и в российско-западных и американо-китайских отношениях.

Однако это отдельная дискуссия. Обратим внимание лишь на один из основных аргументов, который справедливо звучит от критиков этого термина: в отличие от периода Холодной войны, сейчас между ведущими центрами геополитического

притяжения нет полноценного идеологического столкновения. Идеология как таковая вторична в списке факторов, которые сегодня стимулируют рост международной напряженности.

Идеологическая недостаточность

Правда, в последние месяцы, особенно после вступления в полномочия администрации Джо Байдена, этому утверждению можно было бы возразить. По крайней мере, складывается впечатление, что идеологическая основа для дальнейшей геополитической эскалации все же начинает оформляться. Так, в своей первой внешнеполитической речи 46-й президент США однозначно провозгласил продвижение демократии и борьбу с автократиями по всему миру приоритетной темой своей каденции. В его базовом внешнеполитическом лозунге – «Америка возвращается» (“America is back”) – идеологический посыл является одним из центральных элементов. А это неизбежно подтолкнет некоторую идеологизацию внешнеполитической риторики многих других государств. Союзники Вашингтона будут усиливать идеологические посылы США, а геополитические конкуренты, хотят они того или нет, будут вынуждены формулировать идеологические контрнарративы.

Однако какова вероятность, что масштабность и интенсивность идеологического противостояния теперь достигнет уровня, сопоставимого с периодом Холодной войны? И что борьба идеологий выйдет далеко за рамки лишь публичной риторики?

Такая перспектива выглядит маловероятной.

Во-первых, в отличие от достаточно целостных идеологий коммунизма и капитализма, схлестнувшихся в глобальной схватке XX века, пока не видно сопоставимых им антагонистичных идеологий XXI века. И в плане предлагаемого видения «конца истории», и в плане теоретической детализации.

> Общее противопоставление демократии и автократии понятно на уровне базовых политических ценностей, а также медийных заголовков. Однако его сложно операционализировать в повседневной практике международных отношений.

Здесь слишком много практических вопросов, которые в любом случае останутся без однозначных ответов.

К тому же, недемократические режимы, как правило, не признают себя таковыми. Поэтому оценочно страны, конечно, можно относить к демократиям или автократиям (и обычно это достаточно легко сделать), но для возникновения глобального идеологического противостояния необходимо, чтобы какая-то группа государств официально объявила «крестовый поход» против демократии. И чтобы эти государства системно выстраивали свою внешнюю политику исходя из такого курса. А этого в реальности не наблюдается.

Скажем, антилиберальные представления, которые, очевидно, формируют мировоззрение многих высших руководителей России, сложно назвать драйвером внешнеполитической стратегии Москвы. То же самое, к слову, и с концепцией евразийства, которую некоторые комментаторы на Западе и в самой России предлагают рассматривать в качестве новой системообразующей идеологии Кремля. Антилиберальные и евразийские идеи во внешней политике России выполняют инструментарную, а не идеологическую функцию.

Во-вторых, даже в годы Холодной войны идеологическое противостояние не могло отменить самое естественное стремление государств в международных отношениях – стремление максимально полно обеспечить собственные национальные интересы. А национальные интересы неидеологичны по своей природе. Поэтому даже в жестко дихотомичном послевоенном мире XX века большое количество стран примыкало к движению неприсоединения. А многие из присоединившихся следовали в своей внешней политике прагматичной логике расширения собственных возможностей, а не жизни по идеологическим догмам.

При наличии же нецелостных и потому недостаточно мобилизующих идеологий неизбежно возникает абстрактность и двусмысленность. А это создает многочисленные возможности для манипуляций и стимулы активно пользоваться такими возможностями. Притом повсеместно: и среди кажущихся единомышленников, и среди оппонентов.

Дополненная реальность

Тем не менее, полностью игнорировать влияние идеологической составляющей на современные международные отношения невозможно. Очевидно, что так или иначе различные элементы идеологий существенно сказываются на международном поведении государств. Однако в условиях, когда для полноценного идеологического столкновения нет основы, влияние идеологий

сводится к формированию своего рода дополненной реальности. Вернее, дополненных реальностей, так как в различных государствах и обществах получаются очень разные эффекты.

Другими словами, поверхностные и часто хаотичные идеологические убеждения не создают целостной картины мира ни в отдельных странах, ни среди военно-политических союзов, а накладывают различные «фильтры» на восприятие международной действительности. Эти «фильтры» оказывают существенное влияние как на анализ происходящего, так и на выработку внешнеполитических решений.

В самом этом явлении нет ничего чрезвычайного и даже необычного. Так, пожалуй, было почти всегда. Пусть с учетом достижений глобализации и технического прогресса в информационной сфере это и может показаться нонсенсом.

> Однако, чем выше градус геополитической напряженности в мире, тем с большей вероятностью элементы, дополняющие восприятие реальности, начинают доминировать над самой реальностью, а то и подменять ее. И тогда возникает серьезная проблема.

Под влиянием эффекта дополненной реальности геополитические конкуренты все более склонны к атрибутивному восприятию друг друга. То есть уже на подсознательном уровне они приписывают конкуренту заведомо агрессивные намерения. И отказывают ему в способности к стратегическому мышлению. Это само собой программирует еще большую конфликтность и неизбежно ведет к утрате общих тем, к разложению объединяющей повестки сотрудничества. А также, де-факто, к эрозии норм и правил международного поведения, которые лежат в основе любого международного порядка.

В таких условиях даже выработка базовых формальных и неформальных мер доверия и безопасности, которые в годы жесткого противостояния в Холодной войне сдерживали мир от перехода красных линий, потенциально становится чрезвычайно сложной задачей.

Евгений Прейгерман
директор Совета по международным отношениям «Минский диалог»